властели яри суть. . . .», ср. с началом стр. 372. Итак Слово о судьях и властелях — произведение, возникшее под влиянием Мерила и, вероятно, вскоре после появления его. Небольшая сравнительно оригинальная часть Слова на стр. 369 интересна тем, что вводит некоторые новые изобразительные черты, рисуя уже знакомого нам неправедного тиуна: «Иже без правды, — говорится здесь, — тивунъ кого осудивъ продасть, и тѣми кунами купитъ себѣ ясти же и пити и одѣяніе себѣ, и вамъ (князьям) тыми же кунами строить обѣды и пиры, и се, яко же рѣхъ, стадо христово вдали есте татемъ и разбойникомъ, иже бо ножемъ заклаша, се есть, неправеднымъ судомъ осуждають; а иже мяса ихъ ядятъ, — продающе на кунахъ; а иже кровь ихъ піютъ, — упиваются безъ урока, продающе сироты; а иже овчинами одѣяніе себѣ стваряють, — иже домы ихъ искореняють, жены и дѣти продающе иноплеменникомъ. Вы же причастницы имъ есте и сообещници по всему, якоже глаголеть пророкъ: князи твои обещници татемъ» (стр. 369, 370). Усиленное внимание памятников XIII в. к обличению неправосудия было обусловлено, надо полагать, многими причинами. В качестве одной из них указывают на получение митр. Кирилломъ II во второй половине XIII века из Болгарии славянской Кормчей с толкованиями и думают, «что славянская Кормчая возбудила или, по крайней мере, возобновила в русском обществе интерес к вопросам церковного права, а через то и к вопросам права вообще».[1] Но, конечно, это одна из производных причин, в свою очередь требующая объяснения, которое можно видеть в той широкой, организующей деятельности, какую в первые десятилетия после татарского нашествия развивало в северо-восточной Руси высшее духовенство, группировавшееся около митр. Кирилла II (или III, как думает Голубинский) и участвовавшее во Владимирском соборе 1274 г.[2] Такова одна сторона дела. Но внимание к ненормальностям в области суда, как видели мы, носит не только отвлеченный, но и глубоко жизненный характер, и заставляет думать, что или сами злоупотребления обострились, или стали для массы более чувствительными. Это предположение в свою очередь нуждается в подтверждении и объяснении, которое следует искать в несомненном углублении классовых противоречий, наблюдаемом в северо-восточной Руси во второй половине XII в. и в XIII в.

От последующего времени XIV и XV вв. мы совсем не имеем сколько-нибудь оригинальных обличений неправосудия. Те призывы милостиво

[1] Вл. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти, стр. 122, 123. Пгр. 1916.

[2] Голубинский. История русской церкви, т. II, перв. пол., стр. 50—89.